

ГЛАВА XIV

Жизнь среди духоборов и возвращение в Россию

“И лучше захотел страдать с народом Божиим...”

Евр. 11:25

В сентябре 1898 года, будучи в Париже, я получил письмо от господина Брукса, в котором он предлагал мне поехать на Кипр, чтобы помочь духоборам.

Я упоминал прежде, что духоборы, живущие в Закавказье, под влиянием толстовцев отозвали своих единоверцев, призванных в армию, публично сожгли их ружья и винтовки и заявили правительству, что они никогда больше не возьмут оружие в руки. Некоторые лидеры духоборов были наказаны, и они решили эмигрировать из России.

После продолжительного обсуждения страной эмиграции выбрали Канаду. Первая партия духоборов в количестве 1150 человек сели на корабль на Кавказе, но по пути были задержаны, так как среди них разразилась эпидемия. Всех пассажиров-духоборов высадили на острове Кипр. Там эпидемия продолжалась.

На острове был только один человек, который мог служить духоборам переводчиком, господин Бирюков, но ему по каким-то причинам пришлось уехать с Кипра и вернуться в Англию. Кто-то должен был занять его место, и комитет, председателем которого был г-н Брукс, предложил мою кандидатуру. Граф Сергей Львович Толстой, сын известного русского писателя и философа, приехал в Париж обсудить со мной этот вопрос. Я дал согласие, и через день-другой после этого в Париж приехал крестьянин-духобор, чтобы отправиться со мной в путешествие на Кипр.

Мы отплыли из Марселя на пароходе компании “Менаджери Меритаймс”. Впервые я путешествовал по западной части Средиземного моря и безмерно наслаждался прекрасными пейзажами, особенно берегами Италии, Сицилии, апельсиновыми и лимонными рощами, другими интересными вещами.

Египет, Нил и пирамиды.

По пути на Кипр пароход зашел в Александрию, где простоял пару дней, в Порт-Саиде мы также стояли на якоре два дня. Я внял совету одного из офицеров корабля, и мы вместе с моим другом-духобором отправились на экскурсию в Каир, а оттуда к пирамидам. В Александрии мы увидели

колонну Помпея, а также фруктовые сады, принадлежащие богатому греку. Первый раз я видел хлеб, тонкий, как полотно. Когда официант приблизился к нашему столу, я подумал, что он несет салфетку, но это оказалось хлебом! В маленькой кофейне, где мы обедали, веранда была увита виноградом, крупным и очень сладким.

С чувством благоговения я впервые смотрел на Нил и его плодородную дельту, где располагал страна Гесем. Мое благоговение усилилось, когда я осмотрел сфинксов и пирамиды. Мы выехали из Каира на взятых напрокат ослах, сопровождаемые погонщиками, арабскими мальчишками, которые бежали сзади и очень громко кричали. Ослики были такими низенькими, что мне приходилось поджимать ноги, чтобы не шаркать ими по земле.

Самая высокая пирамида — хорошо известная пирамида фараона Хеопса. Специальный арабский гид провел нас и группу других туристов осмотреть эту пирамиду. Нам пришлось в темноте взбираться вверх по узкому подземному проходу. Наш арабский гид шел впереди нас, неся в руке факел, дым которого был крайней неприятен. Большую часть пути мы должны были карабкаться на четвереньках. Это было очень трудное путешествие.

Когда мы наконец достигли цели, гид зажег магниевую лампу, мы увидели просторную комнату, полную пыли и летучих мышей. Было очень душно. Это была погребальная камера древних фараонов. Сами саркофаги с мумиями перенесли в музей, поэтому мы осматривали комнату. Конечно, наши впечатления были очень сильными! Разве не ощущался в этой пещере аромат четырех тысячелетий!

Для меня был примечателен факт, что общие очертания пирамиды сохранились в течение сорока веков! В первый раз я видел арабских бедуинов на верблюдах, а вдаль — великую пустыню Сахару. Песок! Песок! Всюду песок! Это зрелище будило во мне чувство благоговения. Из Каира в Порт-Саид мы вернулись по железной дороге и опять сели на пароход.

По приезде в Ларнаку, порт на острове Кипр, я нашел там господина Стерджа, уполномоченного Общества Друзей, который заправлял всей помощью, оказываемой духовоборам. Он представил меня британскому губернатору Кипра. Я встретился также с господином Бирюковым и приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Оазис в песках Кипра

Население Кипра состояло из турок, греков и армян. Высокие и красивые духоборы с правильными чертами лица выделялись среди местного населения. Лагерь духоборов находился во внутренней части Кипра. Я добрался до него верхом на маленьком ишаке, точно таком же, как в Египте. Когда мы выехали из Ларнаки, я увидел широкую плоскую равнину песка, раскаленную лучами жгучего, несмотря на ноябрь, солнца. Не было ни деревца, ни травы. Песок! Песок!

Пропутешествовав несколько часов, мы увидели в отдалении группу деревьев и другую растительность. Приблизившись, мы разглядели прелестную пальмовую рощицу, а также лимонные и апельсиновые деревья, ветви которых сгибались под тяжестью плодов. Из земли бил небольшой родник, и именно благодаря ему появилась вся эта растительность. Я подумал: "Какая чудесная иллюстрация к живой воде Слова Божия, которая возрождает людские сердца!"

Среди этих деревьев мы нашли палатки и небольшие деревянные бараки, в которых жили семьи духоборов. На расстоянии в несколько миль находилась еще одна маленькая колония, жители которой обитали в таких же деревянных бараках.

Я застал духоборов в очень печальном положении. Большинство из них болело странной болезнью, похожей на дизентерию. Она начиналась с кровавого поноса, затем распухали ноги и через несколько дней человек умирал. Войдя в барак, я увидел низкий деревянный настил, устроенный вдоль стены во всю длину комнаты, на котором они обычно спали, но сейчас на нем лежали больные люди, и кроме того — несколько мертвецов! Уже умерло около сотни мужчин и женщин! Рядом с колонией духоборов образовалось русское кладбище.

Служение больным духоборам

Врачом был армянин. Он прописывал больным опиум. Лекарство обычно привозил из Ларнаки старик по имени Марк, еврей из Одессы, который одинаково плохо говорил на русском, греческом, турецком и даже на армянском, но был для духоборов необходимым человеком. Он привозил им не только лекарства, но и вообще все необходимое. Еще раз я убедился, что пока люди остаются необразованными, им нужны услуги евреев, которые, где бы ни находились, всегда остаются практичными и энергичными.

В мои обязанности входило: следить за общим состоянием духоборов, добиваться улучшения условий и помогать с лечением. Я сразу же настоял на применении тех мер предосторожности, которые казались мне практичными и наиболее важными:

Простые правила борьбы с эпидемией

1. Немедленно убрать из барака всех умерших.
2. Изолировать больных от здоровых.
3. Как можно чаще проветривать помещение. Обычно они держали окна закрытыми, воздух в комнатах был очень душным и спертым.
4. Содержать комнаты и одежду в чистоте.
5. Я пытался убедить каждого в необходимости соблюдать многие простые правила домашней санитарии, которые игнорировались.
6. Я попросил доктора увеличить дозу опиума для больных, сказав ему, что русским требуется тройная доза лекарств по сравнению с армянами. Доктор увеличил дозы, и вскоре стал заметен благотворный эффект.

Как только у меня выдавалось свободное время, я собирал мальчиков и девочек и обучал их английскому языку. Почти тридцать лет спустя, когда я посетил духоборов в Канаде в 1926 г., один из них узнал меня и сказал, что он никогда не забудет моих уроков английского языка.

Благодаря моей работе среди духоборов у меня завязались с ними тесные отношения. Г-да Стердж и Бирюков жили в Ларнаке вдалеке от духоборов, последний покинул Кипр сразу после моего приезда. Им были неведомы подлинные условия жизни этих людей. Я решил жить среди них в самом большом поселении, чтобы вблизи наблюдать их образ жизни и обдумывать способы преодоления эпидемии и улучшения условий жизни.

Я заболел в чужой стране

Я стремился искоренить нечистоплотность и беспорядок, и постепенно состояние духоборов стало улучшаться, но сам я заболел той же болезнью, которая опустошала их колонии. Болезнь настигла меня в Ларнаке, и я лежал в доме, который недавно занимал господин Бирюков.

Во время болезни никто не навещал меня. Заболеть смертельно опасной болезнью в чужой стране вдали от друзей — очень тяжелое испытание. Но оптимизм веры помог мне справиться с ним. Я не поддался отчаянию, во время болезни я

думал о своей жизни и своей стране и молил Бога, чтобы Он распорядился мною согласно Его воле. По воле Божией я поправился. Это происходило постепенно, почти без посторонней помощи, пока наконец я не выздоровел окончательно. Вслед за этим я возобновил работу среди духоборов и работал, пока не пришло сообщение, что из Англии должен прийти пароход и увести их в Канаду.

Английский комитет спросил меня, хочу ли я поехать в Канаду, но я чувствовал, что духоборы после выздоровления могут прекрасно обходиться без меня, тогда как русские люди нуждаются в энергичных проповедниках и посланцах Христа.

Я чувствовал, что должен вернуться в Россию, хотя мой отец все еще находился в изгнании и меня мог ожидать арест; вернуться в страну, где, несмотря на угнетение и преследование, есть большие возможности для работы во имя Христа.

Возможно, призыв служить среди духоборов был средством Бога помешать моему преждевременному возвращению в Россию, поскольку в то время меня отправили бы в ссылку. Но зов вернуться на свою родину был непреодолимым, так что я отклонил предложение сопровождать духоборов на их долгом пути в Канаду.

Подтверждение моего решения вернуться

Зная все обстоятельства, господин Брукс и другие очень удивились моему решению, но я чувствовал, что в отношении меня проявляется воля Божия. Вскоре после того, как я принял решение, из Владикавказа пришла телеграмма от брата, в которой он звал меня домой. Факт получения телеграммы удивил меня гораздо больше, чем ее содержание, потому что, учитывая условия в России того времени, я никак не мог предположить, что оттуда может прийти послание. Я принял его за голос Божий, подтверждающий мое решение.

Распрощавшись с духоборами, господином Стерджем и другими, я сел на пароход, идущий в Константинополь и Одессу и с молитвой поплыл домой. Все мои мысли были устремлены к моей бедной стране, веками страдающей и связанной цепями духовной темноты. Я был готов вынести самое худшее, лишь бы только находиться среди своего народа и иметь возможность проповедовать ему Евангелие.

По прибытии в Константинополь всех пассажиров попросили предъявить паспорта турецким властям. У меня не было паспорта, и турецкий чиновник приказал двум полицейским забрать меня, что они и сделали. Они вели меня по узким

улицам, пока мы наконец не подошли к двухэтажному кирпичному зданию, которое, вероятно, было полицейским участком. Большая комната была поделена решеткой на две части. На одной ее стороне сидели задержанные, а перед ними на деревянном возвышении сидели представители власти.

Важный турок, куривший кальян, слушал доклады полицейских о преступниках и сразу определял меру наказания. Задержанные смотрели на своего судью через решетку. Сурового вида судья выслушал доклад моих полицейских и сказал им что-то по-турецки, при этом я, конечно, ничего не понял. Полицейские опять забрали меня и повели по незнакомым улицам. Вдруг я увидел вывеску "Русское консульство" и обрадовался! Вскоре турецкий полицейский отпустил меня, и я очутился в помещении обычного русского официального учреждения.

Чиновник задал мне несколько вопросов, записал мои ответы и сказал мне, чтобы я отправился в такой-то отель и переночевал там. "Завтра, — сказал он, — мы решим, что с Вами делать".

Конечно, я понял, что этот отель был русским учреждением и я буду находиться под наблюдением, но все же считал, что это лучше, чем остаться в турецкой тюрьме.

На следующее утро меня вызвали в консульство, и тот же чиновник сказал мне, что я должен быть готов отправиться из Константинополя в Одессу на русском пароходе, который отплывает на следующий день. Это было лучше, чем я ожидал. Я провел еще одну ночь как "гость" русского отеля, затем меня передали турецкому полицейскому, и он отвел меня на маленький катер, который и доставил меня на русский пароход. Полицейский вручил бывшие при нем бумаги одному из офицеров корабля. Мне разрешили купить билет второго класса, и во время путешествия я был сам себе хозяин. Это тоже было лучше, чем я ожидал.

После долгого пребывания за границей все впечатления на русском корабле доставляли мне особенное удовольствие. Русский язык звучал для моих ушей как сладчайшая музыка. Когда матросы по обычаю стали петь вечернюю молитву, я едва не разрыдался, так глубоки были переполнявшие меня чувства. Какое замечательное, ни с чем не сравнимое чувство — любовь к своей стране!

По прибытии в Одессу жандарм отвел меня к градоначальнику, графу Шувалову. Долгое время я прождал в одиночестве в пустой комнате. Я не знал, что меня ждет. Через несколько

часов прибыл градоначальник, сурово посмотрел на меня, но ни о чем не спросил. Спустя некоторое время пришел чиновник и сказал, что меня направят на местожительство во Владикавказ в сопровождении агентов со специальным уведомительным документом. Они приказали мне остановиться в определенной гостинице и плыть на определенном пароходе. Мой путь лежал через Севастополь, Ялту, Феодосию, Новороссийск, затем по железной дороге через Екатеринодар во Владикавказ, главный город Терской губернии.

По прибытии во Владикавказ я отправился к шефу местной полиции. Он прочитал бумаги и сказал: "Вы можете жить в доме вашего отца". И вновь я сказал себе: "Это лучше, чем я ожидал".

Вскоре я узнал, что генерал Кочанов, который в свою бытность губернатором Терской провинции приговорил моего отца к ссылке, смещен. Поэтому все его приказы и планы в отношении тех, кого он собирался наказать, остались неисполненными. Вскоре я получил разрешение свободно перемещаться по стране.